

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ

9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

История болезни

13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вызов на дом

81

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Стазис

149

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Не навреди

197

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Наложение швов

267

ЭПИЛОГ

347

Смерть не приходит сразу вся,
Но губит по частям —
И рану — дав для Жизни шанс —
Прижмет блаженно нам...

Отсрочку получает Мышь —
Ослабит хватку Кот —
Чтобы Надеждой раздразнить...*

* Эмили Дикинсон, пер. А. Грибанова.

ПРОЛОГ

Она дышала негромко, сбивчиво. Скорчившись за колонной, закрыла глаза и прижалась пылающей щекой к камню, словно его твердыня могла придать ей сил. Несмотря на ночной холд, по спине ручьем стекал пот, и шерстяное платье насквозь промокло.

Она выскользнула из экипажа, когда тот человек остановился напоить лошадь. Он что-то гневно закричал, но она кинулась бежать не глядя. Дома и фабричные склады в этот поздний час тонули во тьме, свет в окнах не горел. Она бежала по безмолвным проулкам, спиной ощущая немолимого преследователя.

Но вот улица кончилась, она почувствовала, что домов вокруг уже нет. На фоне ночного неба отчетливо вырисовывались очертания деревьев и холма. Да это же вход в Фэйрмаунт-парк. Знакомое место. Она приходила сюда отдохнуть, прогуляться, полюбоваться рекой и лесом.

Она побежала через парк, к реке. Извилистые тропинки вели к живописным фонтанам, днем здесь неторопливо прогуливались целые толпы людей. Но сейчас просторные лужайки и ухоженные кусты маячили во мраке размытыми жутковатыми пятнами.

Взошла луна, озарив водные просторы. На возвышении над плотиной она разглядела сооружения водопроводной станции. Река в ее верхнем течении разливалась мирным прудом с гладкой, как сланец, поверхностью. Вода с тихим плеском переливалась через порожек запруды.

Зря она не осталась там, среди домов. Надо где-то спрятаться.

Она вбежала в первый павильон, похожий на древнегреческий храм, и ее шаги гулко зазвучали в просторном помещении. Изящные строения стояли в ряд, величественные колонны блестели в лунном свете. Настоящее сказочное королевство, только в бальном зале безлюдно. Хотелось вообразить себя нарядной принцессой в ожидании первого вальса, в роскошном платье, волочащемся по полу. Но она спотыкалась, а ноги ослабели и болели от напряжения.

Вся эта красота была искусственной маскировкой очистных сооружений, здесь фильтры день и ночь пропускали через себя речную воду, очищая ее для нужд большого города. Под ногами слышалось мерное поскрипывание вращающихся колес. Где-то наверняка есть дверь, которая ведет в машинное отделение. Если бы только она сумела пробраться вниз.

Первая дверь. Прошу тебя, господи. Подергала ручку. Заперто. Она отчаянно заколотила в дверь, навалилась плечом. Нет, заперто накрепко. Она бросилась к следующему строению, снова потянула дверь. Тоже заперто. От ужаса стало трудно дышать, но она подавила рыдания.

Вот и последняя площадка над плотиной. Дальше бежать некуда. Она остановилась и перегнулась через ограждение. На лицо попали брызги воды, падавшей внизу изящной дугой. Ниже запруды река пенисто бурлила и устремлялась дальше. Она много раз приходила сюда, на

самый верх плотины, и стояла, завороженная видом воды, стремительно менявшей свой облик.

Сняв пальто и ботинки, она забралась на ограждение. Пальцы ног замерли над бездной. Она раскинула руки, наслаждаясь секундой свободы. Сердце тяжело билось после погони. Но это место не пугало ее — напротив, здесь ее ждет благословенное освобождение. Она крепко сжала в кулаке висевший на груди медальон.

И заставила себя оглянуться. Так и есть — он здесь, хотя в темноте его не видно, он закутан в плащ с капюшоном, скрывающим лицо. И он знает, что она сейчас сделает. Фантом обрел пугающие формы и бросился на нее. Собрав последние силы, она оттолкнулась и прыгнула.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

История болезни

I

Доктор Лидия Уэстон украдкой посмотрела на часы. Сидевшая на смотровой кушетке пациентка, Дилайла Таунсенд, упрямо вскинув подбородок, перечисляла свои бесконечные жалобы. При каждом вдохе ее корсет протестующе скрипел.

— Эта усталость меня замучила. Я уже после завтрака ни на что не способна, хоть снова спать ложись. Может быть, мне нужны капли?

Лидия положила стетоскоп на стол. Сама она считала, что миссис Таунсенд пошел бы на пользу моцион, но вслух говорить об этом не стала.

Достав стопку бланков, она стала выписывать рецепт; миссис Таунсенд ушла за китайскую ширму одеваться.

Лидия вздохнула. До конца приема ей предстояло заполнить не одну историю болезни, а в жалобах миссис Таунсенд не было ничего нового. Но если этой пациентке не дать выговориться, то ее визит затягнется вдвое.

Железо в каплях немногим действеннее, чем плацебо, подумала Лидия. Она тщательно, как всегда, осмотрела пациентку: выслушала сердце и легкие, прощупала живот, отметила пульс, дыхание и температуру. Анализы не выявили ничего неблагоприятного.

Миссис Таунсенд вышла из-за ширмы, подол элегантного платья из кремовой тафты волочился по полу. Лидия понимала, что им повезло: клиника существовала благодаря состоятельным пациенткам, готовым платить за возможность лечиться у врачей-женщин.

Миссис Таунсенд застегнула верхние пуговки лифа. Кольца с драгоценными камнями болтались на худых узловатых пальцах, тыльную сторону ладоней покрывали печеночные пятна. Лидия заметила, как дрожат пальцы миссис Таунсенд, сражавшейся с пуговицами, — ее наверняка мучил жестокий артрит. Глубоко вздохнув, старуха снова терпеливо взялась за пуговицы, и Лидия ощутила укол жалости. От горя никакое богатство не убережет. В прошлом году миссис Таунсенд потеряла единственную дочь, скончавшуюся от ревматической лихорадки, и большая часть ее визитов объяснялась этим печальным фактом.

Лидия протянула миссис Таунсенд рецепт:

— Если хотите, можете принимать капли ежедневно. Но я бы рекомендовала легкий моцион. Начните с ежедневной получасовой прогулки — и почувствуете себя бодрее, — мягко сказала она.

— Наверное, хуже не будет, — согласилась миссис Таунсенд.

— А еще я бы предложила вам отказаться от корсета, — не удержалась от совета Лидия. — Он сильно сдавливает органы брюшной полости и мешает дышать.

Ее слова были встречены молчанием. Потом миссис Таунсенд отважилась на ответ:

— Не знаю, не знаю. Ходить без корсета, мне кажется, не совсем прилично...

— Пожалуйста, попробуйте. Ну что же, до встречи.

И Лидия проводила миссис Таунсенд.

Больницу на Спрюс-стрит основали несколько врачей из Женского медицинского колледжа, пылкие идеалисты, верившие, что медицинская помощь не должна быть привилегией одних лишь состоятельных людей. В больнице лечились рабочие, которых становилось все больше, а множество лавочников, швей и ливрейных кучеров, которых Лидия лечила еще в студенчестве, по сей день оставались верными ей пациентами. Перед Лидией проходили люди самого разного социального положения, претерпевавшие невообразимые болезни и утраты.

В здании, бывшем некогда прядильной фабрикой, все еще держался заводской дух. Сосновые половицы с глазками от сучков были до блеска вытерты бесчисленными подошвами, шаркавшими по кабинетам в любую погоду. В бывшем фабричном зале поместились смотровые и регистратура. На втором этаже расположилась небольшая больничная палата с кроватями для тех, чье состояние требовало более пристального наблюдения. Имелся здесь и просторный приемный покой с высоким потолком и большими окнами. На выбеленных стенах висели несколько пейзажей, весьма непритязательных, словно об оформлении вспомнили задним числом. В этой простоте отразился подход основателей больницы: это серьезное место, где люди работают, ничто не должно отвлекать их от дела, которому они служат.

Лидия шла по коридору, и эхо ее шагов отдавалось в пустых залах. Она осталась в больнице одна, последняя группа студенток ушла несколько часов назад. Керосиновые лампы были потушены, и коридор освещал только холодный свет газовых фонарей, проникавший с улицы сквозь окна с частым переплетом.

Лидия закрыла дверь кабинета и на миг задержалась у зеркала, висевшего над раковиной. Она поправила

выбившиеся темные волосы, лихо воткнув в них перламутровую шпильку. Отступила и с удовольствием оглядела свое отражение — в темных глазах угадывалась лишь тень усталости. Шелковое жаккардовое платье смотрелось просто, но опытный глаз сумел бы разглядеть его утонченную элегантность, в тусклом свете поблескивали вплетенные в ткань золотые нити. Лидия коснулась брошки из слоновой кости, приколотой над верхней пуговицей. В лекционные дни Лидия одевалась в черное, но позволяла себе одну памятную вещицу — камею, на которой была вырезана фигурка с головой слона. Брошку подарила ей ее мать — англичанка, чье детство прошло в Индии. Лидия с ней не расставалась. Ганеша, дарующий благословение и устраниющий препятствия, всегда приглядывал за ней.

Лидия зажгла лампу, и углы комнаты осветились. Она поплотнее закуталась в кашмирскую шаль, ощущая подбородком шероховатую шерсть; Лидия встряхнула шаль, и от ткани повеяло знакомым запахом сандаля. Кабинет, которым по очереди пользовались все врачи, был обставлен по-спартански. Но Лидия, с легкостью чередовавшая роль преподавателя Женского медицинского колледжа с ролью врача, держала все необходимое во вместительном саквояже.

Сев за письменный стол, Лидия вынула из саквояжа записную книжку с золотым тиснением на обложке: “Л. Н. Уэстон, врач”. Просмотрев расписание, она с удовольствием отметила, сколько дел переделала за день. Начинался осенний семестр, и Лидия, как и ее ученицы, предвкушала новый учебный год. Утром она читала лекции в колледже, а после обеда наблюдала за работой своих студенток уже здесь, в больнице на Спрюс-стрит. Студентки, после нескольких лет лаборатории и лекционных за-

лов, горели желанием обследовать пациентов. Лидия объясняла, как вести историю болезни, как проводить обследование, какие вопросы задавать, чтобы как можно точнее поставить диагноз. Пенсильванское медицинское общество все еще упорно противилось их работе, не допуская женщин-врачей в больницы при медицинских колледжах Филадельфии. Лидия стала просматривать список пациентов, отмечая тех, кто был сегодня на приеме. Одно имя — “Анна Уорд” — она обвела в кружок, а рядом изобразила вопросительный знак.

Время шло к шести вечера. Анна должна была прийти на прием несколько часов назад, но так и не появилась. Это было не похоже на нее, щепетильную молодую женщину. Анна служила горничной в богатом доме, и ее, без сомнения, задержала работа. Но Лидия не могла избавиться от тревоги. С тех пор, как она видела Анну в последний раз, прошло уже немало времени.

Они познакомились на публичной лекции, которые читали каждый месяц в больнице на Спрюс-стрит, лекции эти касались в основном питания и гигиены. В лекционные вечера двери оставались открытыми и после приема, а лавки в приемном покое бывали сдвинуты в один ряд. Слушатели сидели бок о бок, словно ожидая новейшего представления в балагане. Чаще всего Лидия избирала темой своих лекций пользу физической нагрузки, хотя выступления на такую тему перед залом, полным рабочих, могли показаться несколько покровительственными. И тем не менее Лидия говорила о целительной силе движения со страстью фанатика. После смерти отца она погрузилась в темный колодец горя, из которого никак не могла выбраться. Прогулки по тихим лесам Конкорда, купание

в холодной воде глубокого пруда излечили ее нервы и позволили ей вернуться в этот мир, прийти в себя.

Люди на лекциях собирались разные: кто-то внимательно слушал, а кто-то, казалось, отбывал наказание за неведомое преступление, глядя перед собой пустыми глазами. Многие являлись не по своей воле, их отправляли сюда врач или санитарный инспектор. Лидия говорила с неизменным энтузиазмом. Однажды, после одного особенно воодушевленного выступления, к ней подошла молодая женщина, чей простой наряд указывал, что она горничная или служанка. И все же платье ее было накрахмалено, а кружевной воротничок выцвел, но не обтрепался.

— Спасибо вам, доктор. — Девушка пожала Лидии руку. — Я кое-что записывала. Как будто снова оказалась в школе! — И она показала записную книжку.

— Вы учитесь?

— Ах, если бы! Нет, мне пришлось оставить учебу ради работы. Но благодаря вам я могу узнавать что-то новое.

Девушка представилась, ее звали Анна Уорд. Анна задавала разумные вопросы. Лидия, тронутая ее интересом, захотела узнать, что привело ее в больницу. В манерах девушки чувствовалась сдержанная гордость.

Вскоре после этого Анна стала пациенткой Лидии. Молодую женщину мучили слабость и анемия — следствие тяжелого труда и плохого питания. Однако она слушалась советов Лидии и пунктуально принимала железо в каплях. Закончив курс лечения, Анна продолжила приходить на прием с уже обычными жалобами. Однако, вместо того чтобы обсуждать свои недомогания, Анна засыпала Лидию вопросами о том, как та получила образование. Она исправно появлялась на лекциях, впитывая предложенные ей знания. Лидия с удивлением поняла, что втянулась в общение: она называла адреса городских библиотек

с лучшими читальными залами и даже давала Анне собственные драгоценные томики. Она ощущала родство с этой молодой женщиной, которой так хотелось учиться.

Да, вот эта запись. Лидия видела Анну в день последней лекции. Иногда Анна приходила пораньше, чтобы помочь Лидии приготовить кофе и сэндвичи, служившие приманкой многим слушателям.

Однако в тот вечер, когда Лидия видела ее в последний раз, Анна сильно опоздала. Лекция закончилась, приемный покой опустел. Лидия собирала бумаги, готовясь уйти домой, когда ее прервал отчаянный стук в дверь.

Лидия сбежала в вестибюль. Девушка с трудом перешагнула порог и упала.

— Анна! — испугалась Лидия.

Девушка подняла голову. Сквозь бледную кожу исхудавшего лица проступали голубоватые жилки. Шляпка скатилась на пол, и Лидия увидела потные пряди, прилипшие ко лбу. Анна скорчилась на полу, она явно очень устала.

— Какая я неуклюжая! Наверное, запнулась о порог. Со мной все в порядке. Дайте я только встану.

Лидия проводила Анну в приемный покой, и девушка бессильно рухнула на деревянную скамью.

— Посидите здесь.

Лидия принесла воды, и Анна дрожащей рукой поднесла стакан к губам.

— Спасибо. Простите, что пропустила лекцию. Дел сегодня было столько, что я не могла вырваться.

Лидия протянула ей руку:

— Я рада, что вы пришли. Идемте ко мне в кабинет, так будет лучше.

В кабинете она знаком попросила Анну сесть на смотровую кушетку. Прежде чем девушка успела возразить,

Лидия достала из саквояжа стетоскоп и приступила к осмотру. В молчании она прижала палец к лучевой артерии — пульс был неровный и учащенный. Щеки девушки горели, кожа налилась бледно-розовым. Грудь поднималась и опадала в такт быстрому, неглубокому дыханию. Может быть, Анна подхватила инфекцию? Или необдуманно приняла микстуру из тех дешевых лекарств “от всех болезней”, панацеи для страждущих, которую аптекари щедро приправляют спиртом или ртутью? Или это просто реакция организма на непосильную работу?

Анна медленно села и достала из сумочки несколько томиков.

— Вы были правы, больше всего мне понравились стихотворения Теннисона. Я хотела вернуть вам книги. Понимаю, какой ужасной может показаться разлука с этими бесценными друзьями. — Анна поколебалась, губы ее дрожали.

— Необязательно было возвращать книги так скоро, — начала Лидия.

- Я должна их вернуть.
- Вас еще что-нибудь тревожит?
- Нет-нет, я просто устала.
- Это не просто усталость.

Анна покачала головой.

— Обычно мне самой удается оклематься. Позавтракать поплотнее или улучить время для отдыха, когда миссис Бёрт не смотрит.

Может быть, Анна и заболела, но в ее поведении чувствовалось что-то столь странное, что Лидии казалось, будто она разговаривает с незнакомкой, так неестественно и уклончиво звучали слова девушки.

- Почему вы все же пришли ко мне?

Анна взглянула на нее, в темных глазах была печаль.